

KOTAVA Tela Tamefa Golerava

Piskura : Kotava.org gesia ~ ~ www.kotava.org

Anton Tcehov

VOLODYA

Верпотам
(1886)

Калкотавакс : Mixail Kostov (2008)

Антон Павлович Чехов
Володя

Рассказ
(1887)

Преобразователь : Михаил Костов (2008)

Володя	Volodya
<p>В одно из летних воскресений, часов в пять вечера, Володя, семнадцатилетний юноша, некрасивый, болезненный и робкий, сидел в беседке на даче у Шумихиных и скучал. Его невеселые мысли текли по трем направлениям. Во-первых, назавтра, в понедельник, ему предстояло держать экзамен по математике; он знал, что если завтра ему не удастся решить письменную задачу, то его исключат, так как сидел он в шестом классе два года и имел годовую отметку по алгебре 2 $\frac{3}{4}$. Во-вторых, его пребывание у Шумихиных, людей богатых и претендующих на аристократизм, причиняло постоянную боль его самолюбию. Ему казалось, что м-ме Шумихина и ее племянницы глядят на него и его татап, как на бедных родственников и приживалов, что они не уважают татап и смеются над ней. Раз он нечаянно подслушал, как м-ме Шумихина говорила на террасе своей кухне Анне Федоровне, что его татап продолжает еще молодиться и наводит на себя красоту, что она никогда не платит проигрыша и имеет пристрастие к чужим ботинкам и к чужому табаку. Каждый день Володя умолял татап не ездить к Шумихиным, описывал ей, какую обидную роль играет она у этих господ, убеждал, говорил дерзости, но та, легкомысленная, избалованная, прожившая на своем веку два состояния — свое и мужнино, всегда тяготевшая к высшему обществу, не понимала его, и Володя раза два в неделю должен был провожать ее на ненавистную дачу.</p> <p>В-третьих, юноша ни на минуту не мог отделаться от странного, неприятного чувства, которое было для него совершенно ново... Ему казалось, что он был влюблен в кухню и гостью Шумихиной, Анну Федоровну. Это была подвижная, голосистая и смешливая барынька, лет тридцати, здоровая, крепкая, розовая, с круглыми плечами, круглым жирным подбородком и с постоянной улыбкой на тонких губах. Она была некрасива и не молода — Володя отлично знал это, но почему-то он был не в силах не думать о ней, не глядеть на нее, когда она, играя в крокет, пожимала своими круглыми плечами и двигала гладкой спиной или же после долгого смеха и беготни по лестницам падала в кресло и, зажмурив глаза, тяжело дыша, делала вид, что ее груди тесно и душно. Она была замужем. Ее муж, солидный архитектор, раз в неделю приезжал на дачу, отлично высыпался и возвращался назад в город. Странное чувство началось у Володи с того, что он беспричинно возненавидел этого архитектора и радовался всякий раз, когда тот уезжал в город.</p>	<p>Bak idulugal, lantaneavielon, moni alube rielbartiv, Volodya, san-perdafe yikye evakafe is akolesafe is vazafe, valeve ruxagalza ke trapova ke Cumixin yasa debanyeyer, ise argaweyer. Inafa gabentafa trakura va baroya nia vanfiyid. Ina, taneon, va miltayopafa rindera direvielon golevgayar ise grupeyer da, ede va biben uum me di co-bralkayar, pune gu olda di zo divdenayar, larde va vayaratanda jontolayar ise inaf mialukaf stragaks icde wodopa tiyir vas 2 is $\frac{3}{4}$. Toleon, bata jonvielera dene Cumixin yasa, kulaf korik espes va oluoca, va inafa pilkanda alokon mejesiyir. Sedme ina, Cumixin W^{ya} is intyona nutikya, va ina is inafa gadikya gu wawaf vuwik is impavantasikaj krupteyed ; va Gadya me karolayad nume nuleyed. Moe tawetc, lanvielon al gildeyer va Cumixin W^{ya} kalisa pu Anna Fyodorovna kosayik da Gadya wan bevulayar jotafa, va int gidoncayar, va vefaraboza somedodeyer, ise va stazam ke artan iku olexaxa volbecon soskeuyur. Kotvielon, Volodya va gadikya voseyer enide dene Cumixin yasa mea di jonvieleyer, va inafa plukesa yordara dene bat korikeem pimtayar, labuiveyer, va olgaca kaliyir, vexe inya, foktafa is blokayana is lorkayasa va toloya tufa, va inafa is tela ke kurenik, ware jekusa van ticeseltom, va nazbeikye me doplekuyur, nume ine den rotapsana garia va ina tolon safteon godositayar.</p> <p>Bareon, yikye va divulgafa is volplinafa pestaka me lajudivbuluyur, va pestaka enwarzafa gu int... Va Anna Fyodorovna, va kosayik ke Cumixin W^{ya}, dere denon worasa, toz forenayar. Inya tiyir kalizisaf is nules eyik, twistafa is fedafa is raltadukafa, dem anamkaf epiteem is anamkafa is sudafa itowa, is susa bene kutcameem va gronafa kicera. Me tiyir listafa mei jotafa ; Volodya grupepeyer. Voxe vaon volins rovetrakuyur ise volins rovedisukeyer viele <i>croquet</i> vefason va anamkaf epiteem ina tanameyer ise va rontafe ge kaliziyir, oke viele kipepeyeson is vultepeyeson ko iriba itabudemeson ins lubeyer aze cepiteyer dumedede ast nilarson tigiyir. Tiyir kurenafa. Kurenik, ekemaf vegeuropik, ko garia tanon safteon piyir, keniberseyer aze dimlapiyir. Divulgafa pestaka ke Volodya medume ilkadeson va bat vegeuropik al tozuweyer, nume ina wiveyer kotviele in ko widava dimlapiyir.</p>

Теперь, сидя в беседке и думая о завтрашнем экзамене и о маме, над которой смеются, он чувствовал сильное желание видеть Нюту (так Шумихины называли Анну Федоровну), слышать ее смех, шорох ее платья... Это желание не походило на ту чистую, поэтическую любовь, которая была знакома ему по романам и о которой он мечтал каждый вечер, ложась спать; оно было странно, непонятно, он стыдился его и боялся; как чего-то очень нехорошего и нечистого, в чем тяжело сознаваться перед самим собой...

— Это не любовь, — говорил он себе. — В тридцатилетних и замужних не влюбляются... Это просто маленькая интрижка... Да, интрижка...

Думая об интрижке, он вспоминал про свою непобедимую робость, про отсутствие усов, веснушки, узкие глаза, ставил себя в воображении рядом с Нютой — и эта пара казалась ему невозможной; тогда спешил он вообразить себя красивым, смелым, остроумным, одетым по самой последней моде...

В самый разгар мечтаний, когда он, сгорбившись и глядя в землю, сидел в темном уголке беседки, послышались легкие шаги. Кто-то не спеша шел по аллее. Скоро шаги затихли и у входа мелькнуло что-то белое.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил женский голос.

Володя узнал этот голос и испуганно поднял голову.

— Кто тут? — спрашивала Нюта, входя в беседку. — Ах, это вы, Володя? Что вы здесь делаете? Думаете? И как это можно всё думать, думать, думать... этак можно с ума сойти!

Володя поднялся и растерянно поглядел на Нюту. Она только что вернулась из купальни. На ее плечах висели простыня и мохнатое полотенце, и из-под белого шелкового платка на голове выглядывали мокрые волосы, прилипшие ко лбу. От нее шел влажный, прохладный запах купальни и миндального мыла. От быстрой ходьбы она запыхалась. Верхняя пуговка ее блузы была расстегнута, так что юноша видел и шею и грудь.

— Что же вы молчите? — спросила Нюта, оглядывая Володю. — Невежливо молчать, когда с вами говорит дама. Какой вы, однако, тюлень, Володя! Вы всё сидите, молчите, думаете, как философ какой-нибудь. В вас совсем нет жизни и огня! Противный вы, право... В ваши годы нужно жить, прыгать, болтать, ухаживать за женщинами, влюбляться.

Debanyeson valeve ruxagalza, trakusa va eldefa rindera is balgena gadikya, Volodya va tizafa djuwira va Nyuta (batinde Cumixin va Anna Fyodorovna yoltayad), va djugildera va inafa kiper a ik lorara ke inaf gem, satoleyer... Bata jugemera, va karafa is ezlafa rena anton grupena kan berpot kotsielon klokan ba senyara, me vektayar. Bata jugemera tiyir divulafa, merogildana ; Volodya tiyir kinokafa ise va batcoba dum rotapafa is volkarafa koncoba wavdafa gu welidara pu int, crakeyer...

— Mancoba me tir rena, ~ trakuyur. ~ Bettan va bar-sandikya, va kurenafa, somekorenajar... Batcoba durimacama... En, durimacama...

Trakuson va bata durimaca, va intafa merokaikfina weyustuca, is va nyoxiskuca, is va blakeraceem, is va nilaf iteem, setikeyer. Remi trakura pok Nyuta va int rundayar nume sinafa tolonga nutiyir merotisa. Bam govoklokayar da co-tiyir listafa is laofa is taskafa is urmafa gu vage...

Ba cuge ke klokara, edje xowasa ton iteem van sid, koe orikafa alava ke ruxagalza debanyeyer, bagafa bora tauleyed. Kontan va gaest meampuson koolanir. Fure bora vukiyid aze batakafa coba awiyir.

— Toktan batlize tigr ? ~ ayikyafa puda eruyur.

Volodia va puda kagrupeyer nume kovudanon takamadayar.

— Toktan tigr ? ~ Nyuta eruyur, kolanison valev ruxagalza. ~ Ax ! rin, Volodya ? Va tokcoba batlize askil ? Kobral ? Tokkane kotviele rokobral, rokobral, rokobral ?... Fu tuoviskawel !

Volodya ranyayar ise ciwana va Nyuta disukeyer. Ina mal kolavara dimpiyir. Dualt is fozdema mo inaf epiteem al zo mimayad. Leve djova kum batakafo leso, pumas usuk keve jo kaikfiyir. Fedafa dakela ke voa is soyoretirda va ina benustiyir. Ina kalion al laniyir nume ilgaeleyer. Tialt ke ticak ke gem tiyir volrunkaf nume yikye va inafa berga isu larida wiyyir.

— Tokdume stivawel ? ~ Nyuta eruyur, disukeson va Volodya. Stivara tir voldolaca viele eyikya pulvir. Man strokik efe til, Volodya ! Dun debanyel, dun stivawel, dun kobral dum kon trakopik. Koe rin, me tey mei blira tigid ! Boikel, tire !... Ba rinafa klaa, govoblil, rovowelvel, govozekal, va yikya rovofacnal, govotil renas...

Volodya va dualt gin gan batakafa is mudafa nuba

Володя глядел на простыню, которую поддерживала белая, пухлая рука, и думал...

— Молчит! — удивлялась Нюта. — Это даже странно... Послушайте, будьте мужчиной! Ну, хоть улыбнитесь! Фуй, противный философ! — засмеялась она. — А знаете, Володя, отчего вы такой тюлень? Оттого, что не ухаживаете за женщинами. Отчего вы не ухаживаете? Правда, здесь барышень нет, но ведь вам ничто не мешает ухаживать за дамами! Отчего вы, например, за мной не ухаживаете?

Володя слушал и в тяжелом, напряженном раздумье почесывал себе висок.

— Молчат и любят уединение только очень гордые люди, — продолжала Нюта, отдергивая его руку от виска. — Вы гордец, Володя. Почему вы смотрите исподлобья? Извольте мне глядеть прямо в лицо! Да ну же, тюлень!

Володя решил заговорить. Желая улыбнуться, он задергал нижней губой, замигал глазами и опять потянул руку к виску.

— Я... я люблю вас! — проговорил он.

Нюта удивленно подняла брови и засмеялась.

— Что слышу я?! — запела она, как поют оперные певцы, когда слышат что-нибудь ужасное. — Как? Что вы сказали? Повторите, повторите...

— Я... я люблю вас! — повторил Володя.

И уж без всякого участия своей воли, ничего не понимая и не соображая, он сделал полшага к Нюте и взял ее за руку выше кисти. В глазах его помутилось и выступили слезы, весь мир обратился в одно большое, мохнатое полотенце, от которого пахло купальной.

— Bravo, bravo! — услышал он веселый смех. — Что же вы молчите? Мне хочется, чтобы вы говорили! Ну?

Видя, что ему не мешают держать руку, Володя взглянул на смеющееся лицо Нюты и неуклюже, неудобно взял обеими руками ее за талию, причем кисти обеих рук его сошлись на ее спине. Он держал ее обеими руками за талию, а она, закинув на затылок руки и показывая ямочки на локтях, поправляла под платком прическу и говорила спокойным голосом:

— Надо, Володя, быть ловким, любезным, милым, а таким можно сделаться под влиянием только женского общества. Однако, какое у вас нехорошее... злое лицо. Надо говорить, смеяться...

disukeyer. Modovayar.

— In guamlitar !... ~ Nyuta gevana askiyir. ~ Batcoba dace tir manafa... Terektal, til ayikye !! Icle kicel !! Tcax ! boikes trakopik ! (Aze toz kipeyer.) Kas grupel, Volodya, tokdume til strokik ? Kire va ayikya somefacnal. Tokdume me askil ? Tire meka yikya batlize tigrir. Voxe mecoba tatcer da va eyikya nesal ! Tokdume, tulon, va jin me facnal ?

Volodya terektayar, koe noafa is rusagafa undera, ise va intafe ozde fasiayar.

— Ant kontan oklapaf soguamlitar ise va antiuca sokalbar, ~ Nuyta dakiyir, divpakudeson va nuba ke Volodya il ozde. Tokdume levdisukel ? Djay modisukel !! Tetce, strokik !!

Volodya djukupilviyir. Djukiceson, inaf titekutc impaweyer ; iteem miabuditaweyer, aze va nuba gu ozde gire vanplekuyur.

— Va rin... va rin rená ! ~ adim kaliyir.

Nyuta akoyenon woltmadayar aze toz kipeyer.

— Va mancoba gildé ! ~ toz dankivar dum kaleynadankasik gildes va mayakaca. Va tokcoba ? Va tokcoba al kalil ? Tolkalil !! Tolkalil !!...

— Va rin... va rin rená ! ~ Volodya tolkaliyir.

Aze mekon kuraniyison, mekon gildason is mekon undeson, va boracku van Nyuta askiyir aze va inafa ma vamo nubask nariyir. Iteem skalteweyer aze ina toz ikuzayar. Kotafe tame sedme ina vanpiyir fozdemapa divdaakesa va kolavara.

— Taxa ! taxa ! ~ ise miledje itupafa kipera tauleyer. Tokdume guamlital ? Kuraní da pulvil. Djay !!

Volodya va inafa ma giyir. Nyuta me tatceyer. Nume ina va kipesa vola disukeyer aze va inafa fonta kan meem fofkon is voldelveljon koanamayar, kozokeyeson va nubeem kak inafe ge. Va ina batkane giyir ; Nyuta, ton nubeem kake kapray, nedison va ladavasuxomeem, va usuk lev lesafa tiojexa vanvuyur ; aze kan vumeltafa puda kaliyir :

— Gotil, Volodya, oblif, neciaf, ise vanmiae ayikyaf seltom anton rovanpitol. Vexe va mana iltitalafa vola, va mana trukafa nedil !... Gopulvil, gokipel... En, Volodya, me til kovudasik. Til jotaf nume dire

Да, Володя, не будьте букой, вы молоды и успеете еще нафилософствоваться. Ну, пустите меня, я пойду. Пустите же!

Она без усилия освободила свою талию и, что-то напевая, вышла из беседки. Володя остался один. Он пригладил свои волосы, улыбнулся и раза три прошелся из угла в угол, потом сел на скамью и улыбнулся еще раз. Ему было невыносимо стыдно, так что даже он удивлялся, что человеческий стыд может достигать такой остроты и силы. От стыда он улыбался, шептал какие-то несвязные слова и жестикулировал.

Ему было стыдно, что с ним только что обошлись, как с мальчиком, стыдно за свою робость, а главное за то, что он осмелился взять порядочную замужнюю женщину за талию, хотя ни по возрасту, ни по своим наружным качествам, ни по общественному положению он, как ему казалось, не имел на это никакого права.

Он вскочил, вышел из беседки и, не оглядываясь, пошел в глубину сада подальше от дома.

«Ах, поскорее бы уехать отсюда! — думал он, хватая себя за голову. — Боже, поскорее бы!»

Поезд, на котором должен был ехать Володя с татап, отходил в восемь часов сорок минут. Оставалось до поезда около трех часов, но он с наслаждением ушел бы на станцию сейчас же, не дожидаясь татап.

В восьмом часу он подходил к дому. Вся его фигура изображала решимость: что будет, то будет! Он решился войти смело, глядеть прямо, говорить громко, несмотря ни на что.

Он прошел террасу, большую залу, гостиную и остановился в последней, чтобы перевести дух. Отсюда слышно было, как в соседней столовой пили чай. М-ме Шумихина, татап и Нюта о чем-то говорили и смеялись.

Володя прислушался.

— Уверяю вас! — говорила Нюта. — Я своим глазам не верила! Когда он стал объясняться мне в любви в даже, представьте, взял меня за талию, я не узнала его. И знаете, у него есть манера! Когда он сказал, что влюблен в меня, то в лице у него было что-то зверское, как у черкеса.

— Неужели! — ахнула татап, закатываясь протяжным смехом. — Неужели! Как он напоминает мне своего отца!

Володя побежал назад и выскочил на свежий

rotrakutul. Tetce, nyul !! Mallaní. Va jin nyul !!

Va int drikon tunuyayar aze va ruxagalza namusteson divlaniyir. Volodya zavzayar antafa. Va usuk tugasitayar, kiceyer, va ruxagalza anamlaniyir, aze mo starka debanyayar ise gire kiceyer. Tiyir kinokarsafa. Dace destayar da ayafa kinokuca va mana iduleka isu poeka rozomeyer. Kiceyer, va yona waljoana ewa prejayar ise zatcayar.

Tiyir kinokafa da wetce pelfudik al zo askipeyer ; kinokafa gu intafa weyustuca ; moekote kinokafa da va ayikya ben fonta al rovenariyir, va kurenikya, beka sedme ina klaa is seltafa tirka va meka roka vanziliyid.

Ina levgon ranyayar, va ruxagalza divlaniyir, aze, merwodason, va matela artlaniyir, il mona.

— Ax ! batlizu cugeke wiluon gomallapí ! ~ trakuyur, konarison va taka. ~ Lorik, wilurson !

Impadimak rundanyatan gan Volodya is gadikya ba anyuste bartiv is balem-sanoya wexa di mallapiyir. Batvieli mon baroy bartiv zavzagiyyid, vexe Volodya van golda vere co-mallaniyir, mekeson va gadikya.

Ba anyuste bartiv, van mona dimlaniyir. Intafa kotafa tila va elvuca muxayar : ae, rotaxe ! Ina laoon djukukolaniyir, va kottel djukumodisukeyer, ontinon djukupulviyir, damo kotcoba.

Va tawetc az emudexopo az bontay remlaniyir aze ta abica kagaelera vukiyir. Kakeon, koe estuxo, korik yeladuliyid. Cumixin W^{ya} is Gadya is Nyuta va koncoba pulviyid ise kipeyed.

Volodya malterektayar.

— Slamé !... ~ Nyuta kaliyir. ~ Va intaf iteem me foliyí ! Viele ina toz renadakteyer ise, dace, guzekac, va jinafa fonta al narir, mea kagrupeyé. Ison grupec, kan man bask !... Viele al kalir da va jin renar, zugacinda koe intafa gexata tigiyyir, dum ke kavkazik.

— Merotisa ! ~ Gadya diviegayar, kalkipeson. ~ Merotisa. Batinde va inafe gadikye remsetiké !

<p>воздух.</p> <p>«И как они могут говорить вслух об этом! — мучился он, всплескивая руками и с ужасом глядя на небо. — Говорят вслух, хладнокровно... И мама смеялась... мама! Боже мой, зачем ты дал мне такую мать? Зачем?»</p> <p>Но идти в дом нужно было, во что бы то ни стало. Он раза три прошелся по аллее, немного успокоился и вошел в дом.</p> <p>— Что же вы не приходите вовремя чай пить? — строго спросила m-me Шумихина.</p> <p>— Виноват, мне... мне пора ехать, — забормотал он, не поднимая глаз. — Мама, уж восемь часов!</p> <p>— Поезжай сам, мой милый, — сказала томно мама, — я остаюсь ночевать у Лили. Прощай, мой друг... Дай я тебя перекрещу...</p> <p>Она перекрестила сына и сказала по-французски, обращаясь к Нюте:</p> <p>— Он немного похож на Лермонтова... Не правда ли?</p> <p>Кое-как простившись и не взглянув ни на чье лицо, Володя вышел из столовой. Через десять минут он уж шагал по дороге к станция и был рад этому. Теперь уж ему не было ни страшно, ни стыдно, дышалось легко и свободно.</p> <p>В полуверсте от станции он сел на камень у дороги и стал глядеть на солнце, которое больше чем наполовину спряталось за насыпь. На станции уж кое-где зажглись огни, замелькал один мутный зеленый огонек, но поезда еще не было видно. Володе приятно было сидеть, не двигаться и прислушиваться к тому, как мало-помалу наступал вечер. Сумрак беседки, шаги, запах купальни, смех и талия — всё это с поразительной ясностью предстало в его воображении и всё это уж не было так страшно и значительно, как раньше...</p> <p>«Пустяки... Она не отдернула руку и смеялась, когда я держал ее за талию, — думал он, — значит, ей это нравилось. Если б ей это было противно, то она рассердилась бы...»</p> <p>И теперь Володе стало досадно, что там, в беседке, у него было недостаточно смелости. Ему стало жаль, что он так глупо уезжает, и уж он был уверен, что если бы тот случай повторился, то он был бы смелее и проще смотрел бы на вещи.</p> <p>А случаю повториться нетрудно. У Шумихиных после ужина долго гуляют. Если Володя пойдет гулять с Нютой по темному саду, то — вот и</p>	<p>Volodya otceyer, divlanison ko rid.</p> <p>— Kasdume sinya va batcoba ontinon ropulvid ? ~ nueyer, nubagamdason is kovudanon disukeson va kelt. ~ Ontinon vaon pulvid, wonton... Gadya dere kipegayar, ... Gadya !... Lorik, tokdume va man gadik al zilil ?! Tokdume ?</p> <p>Vexe ko trapova en godimlaniyir. Volodya moe gaest abicedje gozayar, va int tuulamayar aze kolaniyir.</p> <p>— Tokdume ta yelada zdarion me pil ? ~ Cumixin W^{ya} bokson kaliyir.</p> <p>— Pará, rovo..., ina kalidayar, meitamadason, ~ rovomallaní... Gadya, ixam anyuste bartiv tir.</p> <p>— Ant mallanil, abegye, ~ gadikya peckon kaliyir. ~ Dene Lili zavzagí. Divkiavá, va abegye... Vanlanil enide kumzilí...</p> <p>Va nazbeik gamdasugdayar, aze gukoeson va Nyuta, francavuson kaliyir :</p> <p>— Ina va Lermontov vektamar... mex ?</p> <p>Yogon kiavayason va kottel, medisukeson, Volodya va estuxo divlaniyir. Arti sanoya wexa va kelda van golda ixam moolaniyir ise tiyir kalafa. Mea tiyir kinokafa meie vudeyer, senson is nuyon kagaelayar.</p> <p>Arti tanoyu <i>verst</i> solumacku mo raporki debanyayar aze va awalt ilwickin kadim piexo toz disukeyer. Koe golda konak tey ixam tiyid runkaf. Tan skaltaf is kusaf vanniyir, vexe impadimak men zo rowir. Volodya djukadebanyeyer ise va artstisa sielera djukaterektayar. Riwigza ke ruxagalza is bora is dakela ke kolavara is kipera is fonta, bata kotcoba lent inafa swava cupon nediweyer nume mea tiyir eaftafa is astirbafa lieke al nutiyir...</p> <p>« Xabe !... Ina va ma me tiolteyer ise kipeyer viele bene fonta giyí, ~ trakur, ~ kle karolayar. Ede mancoba co-volpuveyer, pune ina co-mibuweyer... »</p> <p>Volodya re batceyer da banlize valeve ruxagalza al tiyir laonsafa. Batceyer da batinde al buluyur, akoydon. Laneyer da, todon gu warzafa katecta, titir lolaofa ise lodopelon tegitir.</p> <p>Ison katecta drikon rovosokiyir. Dene Cumixin yasa, radimi sielestura, kottel jontikedje gigozayar. Volodya do Nyuta koe orikafa matela co-rogozar,</p>
---	---

случай!

«Вернусь, — думал он, — а уеду завтра с утренним поездом... Скажу, что опоздал к поезду».

И он вернулся... М-ме Шумихина, мамап, Нюта и одна из племянниц сидели на террасе и играли в винт. Когда Володя солгал им, что опоздал к поезду, они обеспокоились, как бы он завтра не опоздал к экзамену, и посоветовали ему встать пораньше. Всё время, пока они играли в карты, он сидел в стороне, жадно оглядывал Нюту и ждал... В его голове уж готов был план: он подойдет в потемках к Нюте, возьмет ее за руку, потом обнимет; говорить ничего не нужно, так как обоим всё будет понятно без разговоров.

Но после ужина дамы не пошли гулять в сад и продолжали играть в карты. Играли они до часа ночи и потом разошлись спать.

«Как это всё глупо! — досадовал Володя, ложась в постель. — Но ничего, погожу завтрашнего дня... Завтра опять в беседке. Ничего...»

Он не старался уснуть, а сидел в постели, обняв руками колена, и думал. Мысль об экзамене была ему противна. Он уж решил, что его исключат и что в этом исключении нет ничего ужасного. Напротив, всё очень хорошо, даже очень. Завтра он будет свободен, как птица, наденет партикулярное платье, будет курить явно, ездить сюда и ухаживать за Нютой, когда угодно; и уж он будет не гимназистом, а «молодым человеком». А остальное, что называется карьерой и будущим, так ясно: Володя поступит в вольноопределяющиеся, в телеграфисты, наконец, в аптеку, где дослужится до провизора... мало ли должностей? Прошел час-другой, а он всё сидел и думал...

В третьем часу, когда уж светало, дверь осторожно скрипнула и в комнату вошла мамап.

— Ты не спишь? — спросила она, зевая. — Спи, спи, я на минутку... Я только капли возьму...

— Зачем вам?

— У бедной Лили опять спазмы. Спи, дитя мое, у тебя завтра экзамен...

Она достала из шкафчика флакон с чем-то, подошла к окну, прочла сигнатурку и вышла.

— Марья Леонтьевна, это не те капли! — услышал через минуту Володя женский голос. — Это ландыш, а Лили просит морфин. Ваш сын

pune tela katecta co-tir !

« Fu dimlaní, ~ trakuyur, ~ aze kan taneaf impadimak eldeon mallanítí... Kalití da va impadimak al kelú. »

Nume dimlaniyir. Cumixin W^{ya} is Gadya is Nyuta is tana nutikya moe tawetc *vint* liwuyud. Viele Volodya, rotuxason, kaliyir da va impadimak al keluyur, kivayad da ta rindera gaverson direvielon artlapitir, nume pirdayad da waveon godivmodeter. Ezeon debanyesa, pegon dun rindesa va Nyuta, kotedje liwuyud, keyer. Koe inafa taka, azed ixam al zo exoneyer. Ina koe tapeduca va Nyuta vanlanitir, va nuba konaritir, aze kutcatar ; meka ewa co-tir adrafa larde kotcoba gan kottol mepulvison zo gildatar.

Vexe moi sielestura eyikya ko matela me gozayad voxe wan liwuyud. Kali tane mielbartiv liwuyud aze ta kenibera mallaniyid.

« Batcoba tir bonapafa ! ~ Volodya trakuyur, argena ba koilavara. ~ Vexe xabe, kalieldeon keté... Eldeon, gire valeve ruxagalza. Loxe... »

Me lakomodeyer ; koe ilava wan senyeyer, gison va badeeem, ise trakuyur. Guzekara va rindera tiyir volplinafa. Gorayar da di zo dimdenayar voxe batcoba mekon kovudayar. Volson, kotcoba co-titir kiewafa..., dace kiewapafa ! Eldeon, titir nuyafa dum gael, va wideyafe vage plekukur, mepreyutason vikizeter, batliz dimlanitir aze va Nyuta facnatar viele djumeter ; mea titir oldik vols « yik ». Voxe arak, i okon klepa is direkeugal, tiyir aftapafa !... Volodya vilteter, vanpitir sumesutesik oke ledamon wetce selaxopa zo uneter aze vanpitir blodik... jontika eba tiyid rotisa ! Tanoy az toloy bartiv tiskid, voxe wan debanyeyer ise trakuyur...

Moni bare bartiv, viele toz afizayar, tuvel iemeyer aze Gadya va mawa kolaniyir.

— Me kenibel ? ~ wirkason eruyur. ~ Kenibel, kenibel !! Jin abicedje... Va belaxak kevlaní...

— Tokenide ?

— Kimtafi Lili dun vorver. Kenibel, nazbeye !! Eldeon, rindera tir...

Va belaxak kou rastoka nariyir, aze va dilk vanlaniyir, aze va savsuteks beliyir, aze divlaniyir.

— Marya Leontyevna, me tir belaxackak ! ~ Volodya va ayikyafa puda moion gildeyer. ~ Vols mustokak, ise Lili va *morfin* buca imaxur. Rinaf

спит? Попросите его, чтобы он отыскал...

Это был голос Нюты. Володя похолодел. Он быстро надел брюки, накиннул на плечи шинель и пошел к двери.

— Понимаете? Морфин! — объясняла шёпотом Нюта. — Там должно быть написано по-латыни. Разбудите Володю, он найдет...

Мамап открыла дверь, и Володя увидел Нюту. Она была в той же самой блузе, в какой ходила купаться. Волосы ее были не причесаны, разбросаны по плечам, лицо заспанное, смуглое от сумерек...

— Вот Володя не спит... — сказала она. — Володя, поищите, голубчик, в шкапе морфин! Наказание с этой Лили... Вечно у нее что-нибудь.

Мамап что-то пробормотала, зевнула и ушла.

— Ищите же, — сказала Нюта. — Что стоите?

Володя пошел к шкафчику, присел на колени и стал перебирать флаконы и коробки с лекарствами. Руки у него дрожали, а в груди и в животе было такое ощущение, как будто по всем его внутренностям бегали холодные волны. От запаха эфира, карболовой кислоты и разных трав, за которые он без всякой надобности хватался дрожащими руками и которые рассыпались от этого, ему было душно и кружилась голова.

«Кажется, мамап ушла, — думал он. — Это хорошо... хорошо...»

— Скоро же? — спросила протяжно Нюта.

— Сейчас... Вот это, кажется, морфин... — сказал Володя, прочитав на одной из сигнатур слово «morph...» — Извольте!

Нюта стояла в дверях так, что одна нога ее была в коридоре, а другая в его комнате. Она поправляла свои волосы, которые трудно было поправить — так они были густы и длинны! — и рассеянно глядела на Володю. В просторной блузе, заспанная, с распущенными волосами, при том скудном свете, какой шел в комнату от белого, но еще не освещенного солнцем неба, она показалась Володе обаятельной, роскошной... Очарованный, дрожа всем телом и с наслаждением вспоминая о том, как он обнимал это чудное тело в беседке, он подал ей капли и сказал:

— Какая вы...

— Что?

nazbeik keniber ? Erul da ker...

Puda ke Nyuta tiyir. Volodya ve susteyer. Va rija wiluon sarduyur, va toayot mo epiteem mimayar, aze va tuvel vanlaniyir...

— Gildal ? Va *morfin* buca ! ~ Nyuta omapudon pebuyur. ~ Batcoba ape tir latinavaxa. Va Volodya divmodal !! ina trasitir...

Gadya va tuvel fenkuyur nume Volodya va Nyuta kozwiyir. Ina va mil awem dum ba dimlanira mal kolavara diskiiyir. Inaf usuk medivatcetakayan tiyir tcastaf moe epiteem. Vola medivmodeyesa nutiiyir beretrafa koe riwizga.

— Tcax, Volodya me keniber... ~ kaliyir. ~ Volodya, abegye, va *morfin* buca ko rastoka trasil !! Rotapsara tove Lili... Kotviele koncoba.

Gadya va konaka ewa kalidayar, wirkayar aze divlaniyir.

— Kle aneyal !! ~ Nyuta kaliyir. ~ Tokdume me zekal ?

Volodya kal rastoka laniyir, badenyayar aze va yona fedja isu selaxak toz kaliziiyir. Inaf nubeem skotceyer ise va fentafa runta exulesa va intaf ast isu koepak fogepestaleyir. Dakela ke *ether* buca is *phenol* is yona gedrafa mogiba xuyavosason uzadana va ina rotuyur ise personeyer.

« Trakú da Gadya al mallanir, ~ ina undeyer. ~ Ae... kiewaxe... »

— Kle, fure ? ~ Nyuta braldeson eruyur.

— Fure... Batse, tce *morfin* buca, ~ Volodya kaliyir, belison va « *morph...* » toza ke ravlem moe tan kral. ~ Gil !!

Nyuta moe pikay ranyeyer, ton bata nuga koe arlom is bana koe mawa. Va usuk vanvuyur, mefakon larde in tiyir vaf is abrotcaf, nume va Volodya moobrayar. Koe inaf tsokaf awem, modamasa, ton griaskiyin usuk, koe tiguafa vanafizara male zwaf kelt vox men afiasa gan awalt, ina nuvelayar gojugemena is cuisafa... Volodya, brostana is koton skotcesa, plukton setikeson da valeve ruxagalza va bato ribiegafo alto koe meem al giyir, va belaxak ziliyir, kalison :

— Maneke til...

— Va tokcoba ?

Она вошла в комнату.

— Что? — спросила она, улыбаясь.

Он молчал и смотрел на нее, потом, как тогда в беседе, взял за руку... А она смотрела на него, улыбалась и ждала: что будет дальше?

— Я вас люблю... — прошептал он.

Она перестала улыбаться, подумала и сказала:

— Погодите, кажется, кто-то идет. Ох, уж эти мне гимназисты! — говорила она вполголоса, идя к двери и выглядывая в коридор. — Нет, никого не видно...

Она вернулась...

Затем Володе показалось, что комната, Нюта, рассвет и сам он — всё слилось в одно ощущение острого, необыкновенного, небывалого счастья, за которое можно отдать всю жизнь и пойти на вечную муку, но прошло полминуты, и всё это вдруг исчезло. Володя видел одно только полное, некрасивое лицо, искаженное выражением гадливости, и сам вдруг почувствовал отвращение к тому, что произошло.

— Однако мне нужно уходить, — сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. — Какой некрасивый, жалкий... фи, гадкий утенок!

Как теперь Володе казались безобразны ее длинные волосы, просторная блуза, ее шаги, голос !...

«Гадкий утенок... — думал он после того, как она ушла. — В самом деле я гадок... Всё гадко».

На дворе уж восходило солнце, громко пели птицы; слышно было, как в саду шагал садовник и как скрипела его тачка... А немного погодя послышалось мычанье коров и звуки пастушеской свирели. Солнечный свет и звуки говорили, что где-то на этом свете есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но где она? О ней никогда не говорили Володе ни татап, ни все те люди, которые окружали его.

Когда лакей будил его к утреннему поезду, он представился спящим...

«Ну его, всё к чёрту!» — думал он.

Встал он с постели в одиннадцатом часу. Причесываясь перед зеркалом и глядя на свое некрасивое, бледное от бессонной ночи лицо, он подумал:

Nyuta va mawa kolaniyir.

— Va tokcoba ? ~ eruyur, kiceson.

Ina guamlitayar aze levdisukeyer, aze, milinde valeve ruxagalza ben ma nariyir... Voxe ina va ina disukeyer, kiceson ise keyer : tokcoba fu sokir ?

— Va rin rená... ~ ina prejayar.

Nyuta non kiceyer, aze undeyer nume kaliyir :

— Kel !! lité da kontan artpir. Ox ! man oldik ! ~ omapudon kaliyir, vanlanison va tuvel az disukeson ko arlom. ~ Volgue, metan rowin...

Dimlaniyir.

Azon Volodya liteyer da mawa is Nyuta is vanafizara is int ko tanafa cugunaykafa is megrupena pestaka ke opafa kaluca joayad, i ko pestaka rowetamba va kotafa blira is rotekemba va kotabafa olyastera, vexe bad leu wexacku kotcoba griawiyir. Volodya va evakafa volapa iltazukana gan beldasa pestaka bam anton wiyir, nume va idara tove dilizera vere miv pestaleyer.

— Wori gomallaní, ~ Nyuta kaliyir, boikenon disukeson va Volodya. ~ Til vitcaf... nudolocaj !

Maneke Volodya re krupteyer da intaf usukap tiyir aklaf ise awem mantarsaf ise bora ise puda !...

« Nudolocaj... ~ trakuyur viele ina mallaniyir. ~ Tire, en tí evakaf... Kotcoba evakafa. »

Mo zida re ticawaltayar. Zveri iyeptason dankayad. Koe matela, kottan va matelamidusik lanis is trumi dwesi rogildeyer... Moion va jaftoliera is aregliura ke namulolsusik anamgildeyer. Afi ke awalt is yoni lorki ke divexo kaliyid da karafa is barafa is ezlafa blira konlize krulder. Vexe toklize ? Me Gadya mei yastik pu Volodya konviele vaon al pulviyid.

Ba divmodara, viele kwikye artlaniyir, ina nujikenibeyer...

« Den oretlik lanil !! » trakuyur.

Moni san-tane bartiv debanyayar. Va int loiteson, wison ko situla va vollistafa vola, tuzwayana gan mekenibes mielcek, modovayar :

«Совершенно верно... Гадкий утенок».

Когда татап увидела его и ужаснулась, что он не на экзамене, Володя сказал:

— Я проспал, татап... Но вы не беспокойтесь, я представлю медицинское свидетельство.

М-ме Шумихина и Нюта проснулись в первом часу. Володя слышал, как проснувшаяся м-ме Шумихина со звоном открыла у себя окно, как на ее грубый голос ответила Нюта раскатистым смехом. Он видел, как отворилась дверь и из гостиной потянулась к завтраку вереница племянниц и приживалок (в толпе последних была и татап), как замелькало умытое, смеющееся лицо Нюты, а рядом с ее лицом черные брови и борода только что приехавшего архитектора.

Нюта была в малороссийском костюме, который совсем не шел к ней и делал ее неуклюжею; архитектор острил пошло и плоско; в котлетах, что подавали за завтраком, было очень много луку — так казалось Володе. Ему также казалось, что Нюта нарочно громко хохотала и поглядывала в его сторону, чтобы этим дать понять ему, что воспоминание о ночи несколько не беспокоит ее и что она не замечает присутствия за столом гадкого утенка.

В четвертом часу Володя ехал с татап на станцию. Грязные воспоминания, бессонная ночь, предстоящее исключение из гимназии, угрызения совести — всё это возбуждало в нем теперь тяжелую, мрачную злобу. Он глядел на тощий профиль татап, на ее маленький носик, на ватерпруф, подаренный ей Ньютоу, и бормотал:

— Зачем вы пудритесь? Это не пристало в ваши годы! Вы наводите на себя красоту, не платите проигрыша, курите чужой табак... противно! Я вас не люблю... не люблю!

Он оскорблял ее, а она испуганно поводила своими глазами, всплескивала ручками и шептала в ужасе:

— Что ты, друг мой? Боже мой, кучер услышит! Замолчи, а то кучер услышит! Ему всё слышно!

— Не люблю... не люблю! — продолжал он, задыхаясь. — Вы безнравственная, бездушная... Не смейте носить этого ватерпруфа! Слышите? А то я изорву его в клочки...

— Опомнись, дитя мое! — заплакала татап. — Кучер услышит!

— А где состояние моего отца? Где ваши деньги? Вы всё промотали! Мне не стыдно своей

« Efe, en... Tí nudolocaj. »

Viele Gadya wiyir nume zo ciwayar da ina dene rindexe me tigiyyir, Volodya kaliyyir :

— Vol al lajudivmodé, Gadya ; vexe me dwil, va kurmaf slameks kevdafutú.

Cumixin W^{ya} is Nyuta ba tane kielbartiv divmodeyed. Volodya, va Cumixin W^{ya} lorason fenkusa va dilk, az Nyuta kalkipeson dulzesa pu inafa olgafa puda, gildeyer. Va tuvel fenkuwes ke estuxo, az vanon tuabrotcawes ematc ke nutikyem is emudenikeem (don Gadya) wiyir ; aze Nyuta kicesa is tcatyena awiyir, do pokeon ebeltaf wolteem is lukast ke vegeuropik sure artlapiyyis.

Nyuta va medojenias is tuevakas belarusaf gem diskiiyyir ; vegeuropik metaskon is rusagon serejdyyur. Koe zanivan estuks dem krimbaxa sliki nyorkuki tigiyyid, sedme Volodya. Ina dere liteyer da Nyuta dovoron kalkipeyer ise van ina disukeyer enide askiiyyir, da ina gildar da setikera va mielcek mekon skalteyer, dace mekatcalason va tigira ke nudolocaj bene azega.

Moni baleme bartiv, Volodya do Gadya kal golda mallakiiyyir. Skaltaf setikeks is mekenibes mielcek is sokitisa dimdenara is sidjera, kotcoba va grenyafa yatkuca gu ina re nekiyyir. Va liotapa ke Gadya is inaf pezam isu gilavaxa (yal ke Nyuta) disukeyer aze prejayar :

— Tokdume va int goal ? Mancoba va rinafa klaa me katir ! Va int doncal, va rinafa vefaraboza me verkal, va olaxa ke artan vikizel... Boikesa ! Va rin me rená... me rená !

Pobaxayar, nume ina, kovudana is tueaftana, va itameem kaliziiyyir, nubamadayar ise tcipayar :

— Tokinde linulal, nanye ? Lorik, diremstasik rogilder ! Va int stival, oke diremstasik rogilder ! Va kotcoba rogilder !

— Va rin me rená... me rená ! ~ ina belkuson dakiyyir. Til lidiskaf, takriskaf... Va bata gilavaxa mea diskil !! Gidel !! Oke va ina kolpatá !!

— Dimdunul, nazbeye !! ~ Gadya boregason kaliyyir. ~ Diremstasik gilder !

— Tokliz tufa ke gadikye al nir ? Toklize rinafa erba tigr ? Va kotcoba al lorkal ! Golde wawuca me

бедности, но стыдно, что у меня такая мать... Когда мои товарищи спрашивают о вас, я всегда краснею.

На поезде пришлось ехать до города две станции. Всё время Володя стоял на площадке и дрожал всем телом. Ему не хотелось входить в вагон, так как там сидела мать, которую он ненавидел. Ненавидел он самого себя, кондукторов, дым от паровоза, холод, которому приписывал свою дрожь... И чем тяжелее становилось у него на душе, тем сильнее он чувствовал, что где-то на этом свете, у каких-то людей есть жизнь чистая, благородная, теплая, изящная, полная любви, ласк, веселья, раздолья... Он чувствовал это и тосковал так сильно, что даже один пассажир, пристально поглядев ему в лицо, спросил:

— Вероятно, у вас зубы болят?

В городе татап и Володя жили у Марьи Петровны, дамы-дворянки, которая нанимала большую квартиру и от себя сдавала ее жильцам. Матап нанимала две комнаты: в одной, с окнами, где стояла ее кровать и висели на стенах две картины в золотых рамах, жила она сама, а в другой, смежной, маленькой и темной, жил Володя. Тут стоял диван, на котором он спал, и кроме этого дивана не было никакой другой мебели; вся комната была занята плетеными корзинами с платьем, картонками от шляп и всяким хламом, который для чего-то берегла татап. Уроки приготавливал Володя в комнате матери или в «общей» — так называлась большая комната, куда все жильцы сходились во время обеда и по вечерам.

Вернувшись домой, он лег на диван и укрылся одеялом, чтобы унять дрожь. Картонки от шляп, плетенки и хлам напомнили ему, что у него нет своей комнаты, нет приюта, где бы он мог спрятаться от татап, от ее гостей и от голосов, которые доносились теперь из «общей»; ранец и книги, разбросанные по углам, напомнили ему об экзамене, на котором он не был... Почему-то совсем некстати пришла ему на память Ментона, где он жил со своим покойным отцом, когда был семи лет; припомнились ему Биарриц и две девочки-англичанки, с которыми он бегал по песку... Захотелось возобновить в памяти цвет неба и океана, высоту волн и свое тогдашнее настроение, но это не удалось ему; девочки-англичанки промелькнули в воображении, как живые, всё же остальное смешалось, беспорядочно расплылось...

«Нет, здесь холодно», — подумал Володя, встал, надел шинель и пошел в «общую».

tukerawé, voxé tí kinokaf gu oltavafa gadikya... Viele kon pusik va rin pulvir, kotviele tukerawé.

Toloya recela kale golda tigiyyid. Volodya moe omazeazekos dun zavzagiyir, kotbewon skotceson. Ko brid me djukukolaniyyir lecen bogana gadikya tigiyyir. Ina va int is kot stujesik is vikiz ke lizimeltasiko is fent yoftemb va inafa sustera bogayar. Ison loon vidjeyer, pune loon pestaleyey da konlize koe tamava dene kon megrupen seltom, karafa is olukafa is erbakirafa is glabafa blira kotrafa gu rena is santa is itupuca is nuyuca krulder... Ina va batcoba pestaleyey ise puidepeyer eke tan koyasik, modisukeyeson, eruyur :

— Kas talgarotel ?

Koe widava Gadya is Volodya dene Marya Petrovna irubayad, i dene olukik digis va krabapa is lizukedas va ki. Gadya va toloya mawa lizukeduyur. Va bata dilkkirafa kereleyer lize ilava is toloya trutca dem moavayafa xuta bene rebava tigiyyid ; Volodya koe bana uzifa pinafa tapedafa sokeyer. Saxa tigiyyir lize ina kenibeyer, voxé vaxe bata saxa mekaró guto. Mawa tiyyir tervanafá gu ksewafá badona kotrafa gu gem is edjiak is beta guazaca megrupenon suna gan Gadya ; Volodya koe mawa ke Gadya ok « dofa bonta » danitcuyur. Bontapa batkane zo rozayar lize ba kota estura is sielon kot jandenik va sint gikatanayad.

Dimdenlaniyyison va mona, ina mo saxa senyyayar ise ta kastara va voza gu modivatcesiku besayar. Edjiak is badona is vageje askiyid da ina setikeyer da va ilkafa mawa me dadiyyir, i va brava liz gu Gadya va int is inyon yastik is gilden pudeem ke « dofa bonta » co-sostayar. Inafa akona is yona betliz pleyena neva askiyid da ina ve setikeyer da ta rindera me al laniyyir... Va Menton meenide trakoduyur lize perdafa do gadikye al bliyyir ; va Biarritz is toloya englafa velikya doon vultesa moe bixe trakoduyur... Va kseva ke kelt is welfa is ontine ke runta is intafa aflica bak bate sare djusetikeyer, voxé tineyer ; englafa velikya nublisa va inaf iteem lentofiyid, aze kotcoba koaotceweyer, seleweyer, relvaweyer...

« Me, batlize fentar, » Volodya trakuyur nume ranyayar aze ko « dofa bonta » kolaniyyir.

Koe « dofa bonta » yelada zo uliyyir. Aname

В «общей» пили чай. За самоваром сидели трое: татап, учительница музыки, старушка в черепаховом *pince-nez* и Августин Михайлыч, пожилой, очень толстый француз, служивший на парфюмерной фабрике.

— Я сегодня не обедала, — говорила татап. — Надо бы горничную послать за хлебом.

— Дуняш! — крикнул француз.

Оказалось, что горничную услала куда-то хозяйка.

— О, это ничего не означает, — сказал француз, широко улыбаясь. — Я сейчас сам схожу за хлебом. О, это ничего!

Он положил свою крепкую, вонючую сигару на видное место, надел шляпу и вышел. По уходе его татап стала рассказывать учительнице музыки о том, как она гостила у Шумихиных и как хорошо ее там принимали.

— Ведь Лили Шумихина моя родственница... — говорила она. — Ее покойный муж, генерал Шумихин, приходится кузеном моему мужу. А сама она урожденная баронесса Кольб...

— Матап, это неправда! — сказал раздраженно Володя. — Зачем лгать?

Он знал отлично, что татап говорит правду; в ее рассказе о генерале Шумихине и урожденной баронессе Кольб не было ни одного слова лжи, но тем не менее все-таки он чувствовал, что она лжет. Ложь чувствовалась в ее манере говорить, в выражении лица, во взгляде, во всем.

— Вы лжете! — повторил Володя и ударил кулаком по столу с такой силой, что задрожала вся посуда и у татап расплескался чай. — Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Все это ложь!

Учительница музыки растерялась и закашляла в платок, делая вид, что она поперхнулась, а татап заплакала.

«Куда уйти?» — подумал Володя.

На улице он уж был; к товарищам идти стыдно. Опять некстати припомнились ему две девочки-англичанки... Он прошелся из угла в угол по «общей» и вошел в комнату Августина Михайлыча. Тут сильно пахло эфирными маслами и глицериновым мылом. На столе, на окнах и даже на стульях стояло множество флаконов, стаканчиков и рюмок с разноцветными жидкостями. Володя взял со стола газету,

boluringa baroy korik tigiyyid : Gadya, is tavesik va lexa, i savsikya dem pince-nez wezo, is Avgustin Mixailovitc, i guazafe pwertapafe francikye unekirafe koe kofigaxiaxe.

— Men al sielestú, ~ Gadya kaliyir. ~ Mawakwikya ta aneyara va beg fu zo gostakser.

— Dunyaca !! ~ francik iegayar.

Vexe monadigisik ta kona lusterava Dunyaca ixam al stakseyer.

— Ox, loxe, en ! ~ francik kicepeson kaliyir. Va beg vere miv fu trasí. Ox, loxe !

Va intafe vlapafe is alitase ruse mo laviafa runda aykayar , aze va edji plekuyur aze divlaniyyir. Moion, Gadya va plinafa jonvielera dene Cumixin yasa is emuderanya pu tavesik va lexa pwadeyer.

— Lili Cumixin tir jinaf vuwik... ~ kaliyir. ~ Inaf awalkeyes kurenik, i Cumixin jadiwik, tiyir kosayik ke jinaf. Ba koblira, in tiyir Kolb tremkoc...

— Gadya, batcoba me tir ageltafa ! ~ Volodya noglonton kaliyir. ~ Tokdume rotuxal ?

Grupeckeyer da Gadya agelton kaliyir. Koe inafa rupa icde Cumixin jadiwik is kurenik kobliyis yolton gu Kolb tremkoc, mecoba tiyir rolafa. Vexe nekevon pestaleyey da ina rotuxayar. Rotuxara, mal inafa kalirinda ik muxara ke gexata ik disukera is kotcoba, zo pestaleyey.

— Rotuxal ! ~ Volodya gire kaliyir, aze va azega tizapon nubokayar eke kotafa porma skotceyer nume yelada ke Gadya divgimaweyer. Tokdume va jadiwik ik tremkoc pulvil ? Kotcoba tir rolafa !

Tavesik va lexa, gojaf, ko tiojexa bobayar, dadon nujifixason, voxe Gadya ve boreyer.

« Tokliz rolaní ? » Volodya trakuyur.

Ko vavila ixam al laniyyir ; va kon pusik vol rovekevlaniyyir. Va toloya englafa velikya medume gire setikeyer... Va « dofa bonta » kotliz exuleyer aze va mawa ke Avgustin Mixailovitc kolaniyyir. Pofa dakela ke droyafa punta is mokinafa tirda impadimaweyer. Moe azega is dilkkadoma is dace rova, jontika fedja isu Iwirapima dem jonksevafa plawa tigiyyid. Volodya va fela mou azega nariyyir aze vol soayar aze va vergumvelt beliyyir : « Figaro »...

развернул ее и прочел заглавие: «Figaro»... Газета издавала какой-то сильный и приятный запах. Потом он взял со стола револьвер...

— Полноте, не обращайтесь внимания! — утешала в соседней комнате учительница музыки татап.
— Он еще так молод! В его годы молодые люди всегда позволяют себе лишнее. С этим надо мириться.

— Нет, Евгения Андреевна, он слишком испорчен! — говорила татап нараспев. — Над ним нет старшего, а я слаба и ничего не могу сделать. Нет, я несчастна!

Володя вложил дуло револьвера в рот, нащупал что-то похожее на курок или собачку и надавил пальцем... Потом нащупал еще какой-то выступ и еще раз надавил. Вынув дуло изо рта, он вытер его о полу шинели, оглядел замок; раньше он никогда в жизни не брал в руки оружия...

— Кажется, это надо поднять... — соображал он.
— Да, кажется...

В «общую» вошел Августин Михайлыч и хохоча стал рассказывать о чем-то. Володя опять вложил дуло в рот, сжал его зубами и надавил что-то пальцем. Раздался выстрел... Что-то с страшною силою ударило Володю по затылку, и он упал на стол, лицом прямо в рюмки и во флаконы. Затем он увидел, как его покойный отец в цилиндре с широкой черной лентой, носивший в Ментоне траур по какой-то даме, вдруг охватил его обеими руками и оба они полетели в какую-то очень темную, глубокую пропасть.

Потом всё смешалось и исчезло...

Fela va plinafa is pofa dakela malpleyer. Aze mou azega Volodya nariyir va dierk...

— Baix, loxe, me obral !! ~ tavesik va lexa koe uzifa olkoba kaliyir, vinuson va Gadya. ~ Ina ware tir jotackafa ! Ba bata klaa, tire kot yik va jontikcoba rovebaskir. Gogiltavet.

— Me, Evgenya Andreyevna, ina zo firugarsar ! ~ Gadya viapudon kaliyir. ~ Mek bagalakirik poke ina tigr, voxe tí axaf nume va mecoba rotaskí. Me, tí volkalaf !

Volodya va buli ke dierk ko intaf art plekuyur, va koncoba uzeayar, i va walkila ok krerot, aze va gelt windeyer... Azon va wexayes plek gire uzeayar, aze gire windeyer... Deswayason va buli kou art, kan bopi ke toayot bosolayar aze va pozla nyaseyer. Mevieli va ervo al giyir...

— Lité da va batcoba gomadá... ~ pu int kaliyir. ~ En, folí...

Avgustin Mixailovitch va « dofa bonta » dimkolaniyir aze popon kipeson va koncoba toz pwadeyer. Volodya va buli ko art gire plekuyur, wal talgeem licayar aze va koncoba kan gelt ve xuyayar. Edavara tauleyer... Koncoba va Volodya gu kapray kan mayakafo po tazeyer nume ina mo azega lubeyer, ton vola ist yona galema isu fedja. Azon va gadikye wiyir, dem mili ontinafi edji dem mantafi dibazki dum viele ine koe Menton va megrupena korikya sugawalkayar, aze gadikye va ina ko meem levgon nariyir, azon ko orikapaf is aludevapaf bup belcon lubeyed.

Azon kotcoba seleweyer aze griawiyir...